VII

В редакции «Фигаро» я встретился с одним журналистом, которого знавал когда-то. Еще одна бледная маска, но только с большими ясными глазами, тонкими губами и мраморными зубами; рябая, покрытая рубцами кожа; торчащая, точно железный шпенек волчка, бородка, курчавые растрепанные, как клоунский парик, шелковистые волосы, кончики которых их обладатель постоянно тянул, крутил и завивал своими нервными пальцами. Эта странная голова посажена на плечи, напоминающие вешалку, и втиснута в стоячий воротничок, стесняющий ее движения.

Можно подумать, что эту голову сильным ударом приплюснули к затылку и приладили, точно метелку, к спинному хребту, еще более неподвижному и прямому, чем палка половой щетки.

Костлявый, искривленный, угловатый, так что страшно дотронуться, – того и гляди уколешься!

А между тем я видел, как это лицо ласкали крохотные ручонки.

Когда я встретил его в первый раз, он держал на руках маленькую девочку. Она плакала – мать была не то больна, не то в отъезде, – и он изображал мамашу, вытирал ей слезы.

Глядя на них, у меня самого затуманились глаза.

Я помог ему забавлять девчурку, и она скоро успокоилась и принялась дергать отца за волосы, – смешные волосы, вьющиеся пряди которых пружинили под ее крохотными пальчиками.

В то время Рошфор[29] писал водевили совместно с одним старым шутом. С тех пор он далеко пошел вперед.

Он стал обличителем империи. Своим умом, смелостью, клыками, ногтями, своим вихром, бородкой, – всем, что только есть у него острого, царапает он шкуру Бонапартов. И все это с таким видом, будто он только защищается и не думает их трогать: баран, спрятавший свои рога, цареубийца с клоунской шевелюрой, красная республиканская пчела, забравшаяся в императорский улей и убивающая там золотых пчел, рассыпавшихся по зеленому бархату мантии.

Газеты перебивают его друг у друга. Вот только что «Солей» перетянул его из «Фигаро», и «Фигаро» не знает, что предпринять.

– Вентра, хотите на его место? – спрашивает меня в упор Вильмессан.

Наконец-то!

Теперь уж я отплачу! Им недешево обойдется, что они так долго не могли угадать, какая сила таится во мне.

Сколько я хочу?.. Десять тысяч франков? Ну нет! Этот год должен возместить мне все, что я издержал за десять лет моей жизни в болоте нищеты, копаясь в нем своими окоченевшими от холода руками. Предположим, что, в среднем, я проедал 1800 франков в год (о, не больше!), считая с 1 января по день св. Сильвестра. Стало быть, гоните 18 000 монет, и по рукам. Нет, – так не надо!

Подписали.

Вечером я, простофиля, пожалуй, слишком расхвастался выговоренной цифрой.

Но подумайте сами! Я вырвал этот мешок золота пастью, которая, голодая в течение четверти века, отрастила длинные крепкие зубы.

Я мог за это время раз двадцать погибнуть, – сколько других пало рядом со мной!

Но я выжил. В этом буржуа неповинны. «Ощипывая» их сегодня, я еще не произвожу окончательного расчета с ними. Мы еще не расквитались!

Да и притом я не столько горжусь той высокой ценой, по которой котируюсь, как тем, что в моем лице будут отомщены все непокорные.

Мой стиль – это куски и обрывки, как бы подобранные крюком в грязных углах, где разыгрываются душераздирающие драмы. А между тем на него есть спрос, на этот стиль!.. Вот почему я бью своим триумфом тех, кто когда-то хлестал меня своими стофранковыми билетами и плевал на мои су.

Благодарю покорно! Еще нет и недели, как я работаю в «Фигаро», а они уж находят, что с них довольно.

Читатели этой газеты большей частью народ беззаботный, счастливый – актрисы и светские люди. А я не каждый день смешу их.

Вентра изредка – это оригинально, как пирушка у Рампоно, как незатейливый завтрак из черного хлеба с молоком где-нибудь на ферме, как посещение элегантной дамой каморки рабочего, где так вкусно пахнет супом… Но Вентра ежедневно – нет уж, увольте!

Ну, а я не могу, да и не хочу быть бульварным увеселителем.

Я никого не обвиняю. Я отлично видел, когда меня переманивали сюда, что мне придется бороться против «всего Парижа», и отталкивал от себя стопки золота до тех пор, пока не выговорил себе свободу вести кампанию по собственному усмотрению.

Они знали, с кем имели дело.

По-видимому, нет.

Мне остается только убраться. Не для того – с опасностью для своего достоинства и риском для жизни – оставался я самим собой в дни неизвестности, чтобы стать теперь хроникером ателье и будуаров, плести узоры из красивых слов, подслушивать у дверей, гоняться за злобой дня.

– Если бы вы только захотели... при вашем стиле, – говорит Вильмессан, которому очень хочется удержать меня.

Да, черт возьми! У меня нашлись бы подходящие эпитеты как для улицы Бреда, так и для Сен-Антуанского предместья. Я сумел бы рисовать акварелью, писать маслом, создавать офорты.

Если б я захотел... А вот я не хочу! Мы оба ошиблись. Вам нужен забавник, а я – бунтарь. Бунтарем я останусь и снова займу место в рядах бедняков.

И вот я снова беден – снова, как и всегда!

Хотя и было обусловлено, что в случае ухода мне все-таки заплатят, тем не менее пришлось повоевать: дело было не только в материальном благополучии, но и в самолюбии. Все кончилось ерундой: взаимные уступки, несколько тысячефранковых билетов, предложение написать роман...

Я было взялся за него, за этот роман. Но, по-видимому, слишком жива еще во мне отравленная, поруганная юность. Эти страницы, конечно, еще больше, чем мои статьи, показались бы напоенными глухим бешенством, ощетинившимися злобой.

Не к чему мне было вылезать из моей конуры. Что успел я за это время? Я только навлек на себя ненависть моих собратьев, которых расхолодила моя бледность Кассия[30]. Потерянное вдохновение!

Но вот что-то зашевелилось в политическом болоте, Оливье[31] кипятится, Жирарден защищает его. За стеклами пенсне, нацепленном на нос бледной маски, что-то сверкнуло, серая рука поднялась и погрозила ареопагу государственных мужей, окружающих императора.

Его газету прикрыли.

Он выпускает когти, напрягает мускулы, прыгает на все четыре лапы.

Он мечется и орет в мешке, куда хотят упрятать его – старого кота!

Его газета прекратила свое существование, но он разыскал какого-то человека, попавшего в затруднительное положение, и тот продал ему свой листок, уступил помещение; он водворился там и приглашает к себе всех желающих кусаться.

Он вспомнил о моих клыках и прислал мне лаконическую записку: «Приходите».

В синем пиджаке, с розой в петлице, он поднялся мне навстречу, с улыбкой протягивая руку.

– Ну, бульдог, мы спустим вас с цепи! Вы будете вести воскресную хронику... И, надеюсь, ваш лай будет слышен далеко? Не так ли?

Он подбирает отвислые губы и мурлычет, расправляя когти.

Я рявкнул – и результатов пришлось ждать недолго.

Жирардену приказали прикончить его собаку. Недолго думая он прислал ко мне своего управляющего, чтобы тот привязал мне камень на шею и утопил меня.

А между тем он отлично мог подождать.

Ибо один вояка взялся отправить меня по-настоящему на тот свет, – вояка с султаном на шапке и тремя золотыми нашивками. Как говорят, он уже отточил шпагу и жаждет отомстить за своего генерала.

Этот генерал – Юсуф[32] – варвар, отдал богу свою жалкую душонку. Во имя невинных, убитых по его приказу, я выл возле его трупа, воссылая благодарность смерти.

И вот его штаб поручил самому искусному фехтовальщику пригвоздить меня, окровавленного, к его гробу.

Так по крайней мере говорят. Это только что сообщил мне Верморель.

– Завтра, а может быть даже сегодня вечером, вас вызовут на дуэль...

– Отлично. Садитесь и слушайте меня. Если красные штаны потребуют у меня удовлетворения от имени этого полковника – они получат это удовлетворение в полной

мере. Вы слышали о моей дуэли с Пупаром? Было условлено стрелять до последней пули и целиться в грудь, сколько угодно. Но Пупар был моим товарищем, а эти солдафоны – мои враги; стало быть, с ними нужно пойти еще дальше. Будет только одна пуля, одна-единственная. Место выберем на этом дворе, если им угодно, или же, если они предпочитают, можно пойти туда, где я сразил Пупара. Дуэль состоится через два часа после их визита, без всякого протокола и переговоров. Хотите быть моим секундантом?

– Черт!..

– Значит, вы согласны. Сейчас, дорогой мой, мы разопьем бутылочку хорошего вина и чокнемся за прекрасный случай, дающий возможность мне, штафирке и отщепенцу, прицелиться в полкового командира.

Вечер теплый, мое жилье далеко от шумных улиц... сумерки и тишина.

Два-три раза по мостовой застучали сапоги. Я думал, что это они ; мне бы хотелось покончить дело разом.

– Теперь уж я приду завтра, – сказал около полуночи Верморель. – Возможно, пароход вышел из Алжира с опозданием. Они могут приехать утром.

Но сегодня, как и вчера, никто не явился.

Можно лопнуть от досады! Запастись мужеством, приготовиться к великолепному концу или к победе, которая увенчает всю жизнь, – и остаться при муках ожидания и унизительной мысли о самоубийстве, внушенной Жирарденом.

Офицер оказался не так глуп, как я думал. Возможно, он даже и не собирался оттачивать свою кривую саблю, узнав, что у меня и так подрезан язык и что как журналист – я мертв.

Действительно, уведомление, помещенное на первой странице жирарденовского листка, указывает на меня как на опасную личность. Никто, конечно, не примет теперь к себе человека, с первого же дня навлекающего грозу на дом, куда он вступает.

Нечего сказать, в хорошее я попал положение: изгнан отовсюду!

Я чувствую себя менее свободным, чем тогда, когда скитался в своих лохмотьях по грязным углам. У меня была по крайней мере независимость человека, который, будучи брошен в подземную тюрьму, может выворотить камень, пробить дыру и, выскочив через нее, наброситься на часового и задушить его.

В этом была моя сила; а теперь мой тайный замысел обнаружен, я открыт. И, как от строптивого каторжника, жупела надзирателей, от меня будут шарахаться и те, кто боится палки, и те, у кого она в руках.

Совсем другое дело, если б я уложил полковника!

– Но, дорогой мой, секунданты могли бы не согласиться на ваши условия, и вы бы еще прослыли трусом.

Очень возможно!

Я живу в мире скептиков и равнодушных. Одни не поверили бы в искренность моего трагического желания, других привело бы в бешенство то, что я впутываю смерть в газетный поединок, и они не постеснялись бы оклеветать меня, лишь бы я не ставил на бульварной дорожке этой кровавой вехи.

К счастью, я достаточно силен, и, если б мои условия были отклонены, я раскроил бы рожу этому провокатору и таскал бы его за усы до тех пор, пока не собралась толпа.

И я закричал бы сбежавшимся обывателям и сержантам:

«Он хотел заколоть меня, как поросенка, потому что умеет обращаться со шпагой... Я предлагаю ему стрелять в упор, а он трусит. Не мешайте же мне расправиться с ним!»

Может быть, меня велели бы за это прикончить, будто нечаянно, – переломали бы мне втихомолку ребра или хребет по дороге в комиссариат, или же со мной расправились бы в участке, среди безобразий кутузки, где какой-нибудь подставной пьяница затеял бы драку, а ключ тюремщика, якобы разнимающего нас, пробил бы мне грудную клетку.

Ничего этого не случилось.

Хорошо еще, что я ни с кем не поделился этими дошедшими до меня слухами. Если б я только заикнулся о них, приятели, конечно, не замедлили бы воспользоваться этим и стали бы утверждать, что я придумал полковника для того, чтобы сочинить эту беспощадную дуэль.

Какая гнусность!

Версия #1
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ создал 30 апреля 2026 14:56:37
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ обновил 30 апреля 2026 14:57:24